

метил бы того, потому что все призраки в одно мгновение исчезли, лес покрылся густым мраком, сопровождавшимся ночью и холодом, которые вскоре рассеялись.

XXXVII

Танкред удивился, но не испытал ни малейшего страха. Видя, что вокруг воцарилось спокойствие, он спокойно пошел осматривать все исходы этого волшебного места. Нет никаких привидений, ни пренятствий; только густота лесной чащи мешает свободно ходить и смотреть вдаль.

XXXVIII

Наконец он встречается широкую площадку в виде полукруга; на ней нет ни одного дерева, а посредине высится кичливый кипарис. Он подходит к нему и, осматривая дерево, замечает на стебле какие-то знаки, подобные тем, которые в древности употреблялись в таинственном Египте.

XXXIX

Между знаками неизвестными он видит надпись на знакомом ему сирийском языке: «О ты, отважный воин, осмелившийся вступить в обитель смерти! Умоляю тебя, не будь столь жестокосерд, как ты был храбр. Не возмущай спокойствия этой таинственной обители; пощади души усопших; живому не следует воевать с мертвым».

XL

Так говорила надпись. Танкред задумался, стараясь проникнуть в смысл ее изречения. Между тем ветер немолчно шумит по листьям и ветвям, извлекая из них звуки, подобные человеческим вздохам и стонам и наполняющие сердце жалостью, страхом и грустью.

XLI

Наконец Танкред извлекает меч и со страшной силой поражает высокое дерево. О, изумление! Из коры полилась кровь и

обагрила землю. Танкред в ужасе, но он повторяет удары и хочет знать, чем это может кончиться. Тогда послышался жалобный и невнятный стон, выходивший как бы из гроба.

XLII

Стон делается явнее и слышатся слова: «О, Танкред, ты и без того довольно меня оскорбил; довольствуйся тем, что ты изгнал меня из приятного жилища, из тела, которое жило мной и со мной. За что теперь ты рубишь древо, с которым меня соединила жестокая судьба? О неумолимый! Неужели ты преследуешь своих соперников и в гробе?»

XLIII

Я была Клориндой; и не одна я обитаю в стволах этих грубых деревьев: и франки, и сарацины, тела которых лежали при высоких стенах, каким-то волшебством удерживаются в этих местах не знаю как в гробе или как в теле; но листья и ветви дерева одарены чувством жизни, и, рубя дерево, ты становишься убийцей».

XLIV

Больной, когда в бреду увидит дракона или химеру, пылающую огнем, хотя и знает, что это не действительность, но обманчивое привидение, однако старается удалиться: столь великий страх наводит на него собственное его воображение; точно так же и в Танкреде вспыхнувшая любовь не верит обману, однако сердце его трепещет и устывает.

XLV

Разнообразные страсти волнуют душу его; холод проходит по членам, и меч выпадает из рук; но меньше всего он чувствует страх. Он идет, не помня себя, и только видит перед собой одну плачущую и рыдающую Клоринду: не может он ни перенести ее вздохов, ни смотреть на ее текущую кровь.